

Глава 6

Яо Юй, всё ещё пребывая в полубытьи, лениво оттолкнул Сун Ляна и, поудобнее устроившись на постели, собрался было досматривать сны. Но тот уже проснулся — вернее, его вырвала из забытья резкая, колючая боль.

Хнык...

«Больно... — в уголках его глаз мгновенно вскипели слёзы. — Как же больно...»

Яо Юй, увидев это, в испуге отпрянул.

— Я же совсем легонько... неужто и впрямь так больно? — голос его становился всё тише, а сам он, пятясь, старался держаться от Сун Ляна подальше. Больше всего на свете он боялся, что тот, недолго думая, снова пустит в ход кулаки.

«Надо же, такой свирепый с виду, а на деле — неженка какая»

На душе стало тревожно. Сяо Юй всерьёз опасался, что муж сорвёт на нём злость за эту утреннюю оплошность.

— Это не я, я тут ни при чём, — поспешно забормотал он. А затем, желая хоть как-то задобрить «демона», добавил: — Ты вчера занемог, так я всю ночь глаз не смыкал, ходил за тобой.

Он надеялся, что за такую преданность его хотя бы не станут бить.

Сун Лян наконец соизволил взглянуть на него.

— Подойди! — тон его оставался всё таким же суровым.

Яо Юй послушно приблизился, но замер на почтительном расстоянии, всем своим видом изображая крайнюю степень смирения.

— Ч-что случилось?

Глядя на смазливое лицо юноши, Сун Лян невольно вспомнил вчерашнюю ночь. Вспомнил, как пытался силой склонить этого парня к супружескому долгу, как у него ничего не вышло и как он едва не довёл беднягу до слёз.

Видя, что тот всё ещё стоит рядом, Сун Лян хотел было по привычке припугнуть его, но, заметив в глазах мужа неподдельный страх, вдруг передумал. Словно поддавшись какому-то

странному порыву, он смягчил голос:

— Подойди ближе.

Яо Юй опешил. С ним никогда ещё не говорили таким тоном. От этого стало даже как-то не по себе.

— Ч-чего тебе? — пробормотал он, делая осторожный шаг вперёд.

Сун Лян протянул руку:

— Помоги мне подняться.

Юноша тут же бросился на помощь, опасаясь, что любая заминка может обернуться градом ударов.

В памяти Сун Ляна всплыл вчерашний скандал на свадьбе. Ни он, ни Яо Ань в итоге ничего не выгадали, и лишь Лю Нин'эр получил всё, чего желал. Юноша непроизвольно сжал кулаки. Позволить этому неблагодарному предателю так легко добиться своего? Нет, он не мог с этим смириться.

Если бы Яо Ань сошёлся с кем-то другим, он, возможно, и смог бы отпустить эту обиду. Но только не с Лю Нин'эром. Когда-то Сун Лян едва не расстался с жизнью, спасая этого парня. Позже, когда того все обижали, Лю Нин'эр бежал к нему и плакался в жилетку, а А-Лян защищал его несколько лет подряд.

И вот какова оказалась благодарность.

Он понимал: его положение и так хуже некуда. Он не мог позволить окружающим думать, что о него можно безнаказанно вытирать ноги. Нужно проучить наглеца так, чтобы тот до конца дней своих боялся даже посмотреть в его сторону.

Юноша бросил взгляд на Яо Юя. Хоть этот парень и был совершенно никчёмным, теперь он официально считался его мужем. Сун Лян решил, что перед тем как действовать, стоит хотя бы поставить его в известность.

Но не успел он раскрыть рта, как Яо Юй заговорил первым:

— Я знаю, ты меня ни во что не ставишь, и вчерашнее было лишь вынужденной мерой. Ночью у

нас всё равно ничего не вышло... Так что не волнуйся. Если в будущем найдёшь себе партию получше, я тебя удерживать не стану. А пока податься некуда — живи здесь, я не против.

Сун Лян замер, обдумывая услышанное. Гнев, кипевший в груди, на миг утих. Похоже, «никчёмьш» вовсе не горел желанием быть ему мужем. Что ж, тем лучше. Значит, с предателем он разберётся сам — это только его дело.

Юноша высвободил руку и холодно кивнул:

— Понимаю. Свободен, ступай.

Яо Юй, не заставляя себя ждать, поспешно ретировался. Как только за ним закрылась дверь, Сун Лян принялся обыскивать комнату. Найдя крепкую верёвку и подходящую доску, он заглянул на кухню за ножом.

Спустя четверть часа Сун Лян, обладавший поразительной решимостью, уже незаметно прокрался во двор Яо Аня. Он бывал здесь столько раз, что знал каждый угол и каждую щель, где можно укрыться. Его цель была проста: выпороть Лю Нин'эра как следует.

— У-у-у!.. Ты что творишь?! — Лю Нин'эр только недавно вошёл в этот дом, и пока Яо Ань был занят делами, он в одиночестве обходил небольшую усадьбу. Как вдруг чья-то рука грубо зажала ему рот.

— Хе-хе, как думаешь? — Сун Лян легко скрутил его. — У меня нет желания вредить твоему выродку, так что лучше не дёргайся. Если скинешь плод — я не виноват.

Лю Нин'эр застыл, боясь пошевелиться. Ребёнок был его единственной опорой в семье Яо. Если он его потеряет, его в тот же миг выставят за ворота.

— Брат Сун, не надо... не делай глупостей!

А-Лян лишь злорадно усмехнулся и, потащив его к воротам, накрепко привязал к стоявшему там раскидистому дереву.

Поскольку полевые работы ещё не начались, деревенские жители кучками собирались на улице, обсуждая последние новости. Увидев назревающий скандал, они тут же обступили дерево. На словах они пытались утихомирить мстителя, но в душе каждый надеялся, что вот-вот начнётся настоящая драка.

Яо Юй только что плотно позавтракал у отца. Выходя за ворота, он прихватил с собой сочную

хурму и теперь неспешно брёл по улице, наслаждаясь сладким плодом. И тут — на тебе! Сун Лян привязал Лю Нин'эра к дереву прямо у крыльца.

Молодой человек уже был в курсе отношений Лю Нин'эра и своего брата, да и о событиях на свадьбе знал не понаслышке. Увидев эту картину, он невольно расплылся в улыбке. Две пассии Яо Аня сошлись в смертельной схватке — вот это комедия!

«Нет, такое зрелище я пропустить не могу!»

Он совершенно забыл, что один из участников этого действия — его законный муж. Впрочем, Яо Юй и не воспринимал ту сумбурную свадьбу всерьёз. Нет, он не был безответственным — в конце концов, раз уж он коснулся того, чего не следовало, то нести ответственность было бы правильно... Но раз Сун Лян до сих пор сходит с ума от ревности по Яо Аню, значит, его сердце занято другим, и Яо Юй ему даром не нужен.

К тому же Сун Лян в гневе был по-настоящему страшен. Не то чтобы он обладал великой силой, но его ярость была какой-то запредельной, словно он готов был перегрызть глотку любому. Обычные люди, в отличие от него, обладали инстинктом самосохранения и потому пасовали перед его безумием.

Но сейчас Сун Лян избивал кого-то другого, и Яо Юю было совсем не страшно. Он спрятался в толпе, уплетая хурму и предвкушая развязку. Лю Нин'эр и впрямь был той ещё дрянью: получил от Сун Ляна столько добра, а в итоге отбил у него мужика, да ещё и в день свадьбы.

«Так его! — ликовал про себя Яо Юй. — Пусть Старик Яо посмотрит, какой "выдающийся" у него старший сын. Давай, Сун Лян, наводи шороху! Пускай Яо Ань опозорится на всю деревню, пускай отец увидит своего любимчика во всей красе!»

Наблюдатель так увлёкся зрелищем, что даже не замечал на себе недоумённых взглядов односельчан.

— Гляньте-ка, Сун Лян там Лю Нин'эра дубасит, а этот чего лыбится?

— Совсем с головой не дружит! Стоит, на собственный позор любитесь.

— Будь мой мужик таким, я бы его дома до полусмерти вожжами отходила.

— Не зря говорят, что Яо Юй — дурачок. С Яо Анем ни в какое сравнение не идёт.

— Вот именно. Неудивительно, что за Аня такая драка идёт.

Яо Юй, поглощённый драмой, не слышал шепотков. Когда хурма закончилась, он метнулся

домой за добавкой, но наткнулся на Госпожу Чжао. Та, завидев его, едва не отвесила ему подзатыльник:

— Взрослый лоб, а всё только о еде и думаешь! Хурма тебе боком выйдет, негодник!

Сын, смеясь, выскочил за дверь:

— Хи-хи, последнюю, матушка, только одну!

— Стоять! — прикрикнула Госпожа Чжао. — Что там за толпа у ворот?

— А, это Сун Лян привязал Лю Нин'эра к дереву и колотит. Пойду гляну, кажется, сейчас самое интересное начнётся.

Госпожа Чжао на миг лишилась дара речи. Она вырвала хурму из рук сына и рявкнула:

— И у тебя хватает совести стоять здесь и жрать?!

Тот озадаченно почесал затылок:

— А что мне ещё делать?

Мать едва не задохнулась от ярости.

«И как я только родила такое недоразумение?!»

— Как что?! Иди и останови Сун Ляна! Не дай ему искалечить Лю Нин'эра! Тот брюхатый, и если с ним что случится под рукой Сун Ляна, жизнь твоего мужа на том и кончится! И смотри, чтобы никакая посторонняя шваль не вздумала его обидеть. Понял, дурень?

Яо Юй соорил невинную мину:

— Они из-за старшего брата сцепились, мне-то какая печаль?

Госпожа Чжао закрыла глаза, изо всех сил стараясь не сорваться, и вкрадчиво спросила:

— Скажи-ка мне, ты ведь очень не хочешь быть женатым на Сун Ляне?

Сын закивал так часто, что голова едва не отвалилась.

— Потому что он тебя бьёт?

Снова энергичный кивок.

— А есть у тебя кто на примете? Кто-нибудь, кто тебе по сердцу?

Яо Юй, не задумываясь, помотал головой.

— На примете никого нет, а жениться-то вообще охота?

— Охота! — Яо Юй закивал ещё сильнее. Все его сверстники уже обзавелись семьями, и ходить бобылём было как-то несолидно — засмеют ведь.

Лицо Госпожи Чжао вдруг стало суровым:

— Твоя мать не всесильна. Всё, на что хватило наших сбережений — это женить тебя на Сун Ляне. Если он тебе не люб — иди и сам ищи себе фулан! И не надейся, что я выкрою хоть грош на другую свадьбу! Так что выбор у тебя невелик: либо Сун Лян, либо никто.

Яо Юй приуныл. Муж ему был даром не нужен, но и сам он был ни на что не годен — кто за такого пойдёт без богатого выкупа?

— Я...

— Замолкни! — Госпожа Чжао, боясь, что сын доведёт её до удара, перебила его: — А ну, брысь на улицу! Следи, чтобы твой фулан в обиду себя не дал.

Яо Юй замешкался, но, увидев занесённую для пинка ногу матери, пулей вылетел за порог. В голове его царил полный сумбур.

«Ну и что это значит? Опять она за своё — женись на Сун Ляне, и всё тут!»

Госпожа Чжао глубоко вздохнула. Зная покладистый нрав сына, она решила сменить гнев на милость и ласково проворковала ему вдогонку:

— Боишься, что Сун Лян будет тебя забивать?

Юноша жалобно кивнул.

«А то! Кто бы не боялся на моём месте?»

— Не горюй, — подбодрила его мать. — Слушайся меня, и я клянусь: Сун Лян будет носить тебя на руках и любить пуще, чем когда-то Яо Аня.

— Правда? — Сяо Юй с надеждой вытянул шею.

Госпожа Чжао была поражена. Она знала, что сын у неё не блещет умом, но чтобы настолько... Пара ласковых слов — и он уже готов смириться с браком? Неужели в нём нет ни капли гордости, ни тени собственного мнения?

Она оперлась о стену, чувствуя, как голова идёт кругом.

«Если этот олух когда-нибудь решит жить своим умом, его же в первый же день со свету сживут»

Но сейчас было не до раздумий.

— Да-да, чистая правда! Иди скорее, присматривай за ним.

Яо Юй, надув губы, побрёл к воротам, бормоча под нос:

— Да кто его обидит? Он сам кого хочешь к дереву привяжет. Не верю.

Однако, вернувшись к толпе, он увидел, что ситуация в корне изменилась. Теперь не только односельчане, но и сам Яо Ань — тот самый, что клялся Сун Ляну в вечной любви — ополчились на него.

— Сун Лян, как ты можешь?! — возмущался кто-то из толпы. — Лю Нин'эр, может, и виноват, но он же ребёнка носит!

Яо Ань с разочарованием посмотрел на бывшего возлюбленного:

— А-Лян, он носит моего первенца... Неужели тебе совсем плевать на мои чувства?

Сун Лян смотрел на него, и в душе его не шевелилось абсолютно ничего. Он и сам удивился своей холодности: когда он узнал об измене, ему было горько, но теперь осталась лишь брезгливость. Похоже, он никогда не любил Яо Аня как человека — ему просто нравилось быть любимым.

Глядя, как шевелятся губы этого мужчины, Сун Лян окончательно принял свою

«бессердечную» натуру. Он внезапно подался вперёд и смачно плюнул предателю прямо в лицо.

— Пара ничтожеств. И ты ещё смеешь меня поучать?

Яо Юй уже было собрался вмешаться, но, увидев этот выпад, застыл на месте, решив посмотреть, чем ответит брат.

«Так его! — подумал он. — Сун Лян дело говорит»

Он и сам втайне считал брата подлецом, но вслух сказать не смел — отец бы за такие слова шкуру спустил.

Сун Лян продолжал наступать:

— Не ясно выразился? А ну, убери от меня свои клешни! Как у вас, прелюбодеев, только совести хватает на меня пальцем указывать? Ещё раз ткнёшь в мою сторону — руку отрублю.

Тот чувствовал за собой правду, а потому не стеснялся в выражениях. В его мире совершивший проступок не имел права даже рот открывать, не то что требовать чего-то. И он, Сун Лян, не собирался проявлять милосердие.

Яо Ань принял страдальческий вид. Он всё пытался воззвать к былым чувствам, но Сун Лян был настроен решительно.

— Да, я оступился, признаю! Но я был пьян, бес попутал с этим Лю Нин'эром... Теперь уж ничего не поделаешь, Сун Лян, зачем же ты так в меня вцепился...

Договорить он не успел — Сун Лян с силой оттолкнул его:

— Да плевать мне на тебя! Я годами защищал Лю Нин'эра, спасал его шкуру от побоев. Раз он решил вонзить мне нож в спину, я заберу назад всё, что ему даровал.

Он не желал слушать оправдания — они были пустым звуком. У него была чёткая цель: проучить Лю Нин'эра. Что же касается Яо Аня... Раз выкуп уже уплачен, а все связи разорваны, он не мог просто так побить его на глазах у всех. Придётся подождать более подходящего случая.

А вот с Лю Нин'эром — другое дело. Он столько лет оберегал его, и такое предательство вполне оправдывало хорошую взбучку.

Лю Нин'эр дрожал всем телом:

— Ч-что... что ты задумал?

— Задумал? — Сун Лян презрительно фыркнул. — Помнишь те удары, которые предназначались тебе, но которые я отвёл? Пришло время их вернуть. Короче говоря, я! Тебя! Побью!

— Нин'эр беременный, ты не можешь...

Яо Ань не успел договорить — Сун Лян наотмашь вlepил ему пощёчину, заставив замолкнуть. Лицо того мгновенно позеленело от ярости. Он понимал, что кругом виноват, и не мог ударить в ответ, но и позволить избивать себя не собирался. Однако Сун Лян опередил его.

Ткнув пальцем в грудь Яо Аня, он процедил:

— И ты слушай. Я тебя не защищал, но за эти годы надарил тебе кучу барахла. До сегодняшнего вечера вынеси всё и верни мне. Если чего-то не хватает — возместишь серебром по рыночной цене. Не увижу вещей к закату — завтра на этом дереве будешь висеть ты.

Яо Ань смотрел на него так, словно видел впервые:

— Мы ведь так любили друг друга... Как у тебя сердце не разрывается?

Этот человек давно стал для него чужим и грязным, и Сун Лян не собирался тратить время на пустую болтовню.

— Хватит тянуть время! Или решил долги не отдавать? Живо пошёл!

Тот, подавленный, кивнул:

— Хорошо. Я отдам всё, что ты потребуешь. Только... Лю Нин'эр носит моё дитя, умоляю, не трогай их!

Сун Лян размял пальцы:

— Не бойся. Я буду бить только по лицу, ребёнка не трону. Его родители — дрянь последняя, но сам он ещё не родился и ни в чём не виноват.

— Ты... — Лю Нин'эр, возмущённый такой наглостью, хотел было что-то возразить, но Сун Лян резко обернулся и смерил его ледяным взглядом: — А тебе лучше не дёргаться. Я не хочу

вредить плоду, но если из-за твоего сопротивления с ним что-то случится — пеняй на себя.

С этими словами юноша наградил его первой пощёчиной. Звонкой и хлёсткой.

<http://bllate.org/book/15314/1354414>